

ТУРЕЦКАЯ НОЧЬ

1

Вот так всегда: кого не ждешь, тот и придет. Словно по закону подлости. Еще бы минут пять - семь – и они точно разминутись. Разошлись, как в море корабли.

Мысль заскочить в торговый центр «Метро» - посмотреть что-нибудь из импортного алкоголя посетила Васильева еще утром, когда, тормознув у светофора, он врезался глазами в рекламный щит, на котором красовался мужик с доверху набитой продуктами тележкой. И вот в кои веки он только собрался в этот самый центр, как явился Завадский. Гладко выбритый, самоуверенный, с американской улыбкой лошадиных зубов. Стрижка короткая, под стать бандитам. Белоснежная с голубым отливом рубашка долларов двести; галстук, как у министра экономического развития и строительства Германа Грефа, костюмчик тоже явно не отечественного покроя. Но самая фишка - загнутые вверх, словно у турецких султанов остроносые туфли, почему-то всегда раздражающие Васильева, как японский джип деревенских мужиков.

- Как настроение? – пожимая Васильеву руку и не переставая скалиться, спросил Виктор Маркович. Именно скалиться, потому что в нашей стране так навязчиво демонстрировать свои зубы можно только что в рекламе зубной пасты. С парфюмерией, естественно, тоже перебор, хоть форточку открывай - Кристиан Диор отдыхает.

- Выше среднего, - без энтузиазма бросил Борис Иванович.

- А у меня до вас две новости, - витиевато, как всегда издали, продолжал Завадский - по одежке, так менеджер средней руки, а по умственным способностям, говорят, большой специалист по PR-технологиям, которого Васильев едва уломал помочь ему на выборах.

- Одна хорошая, другая - не очень. С какой начнем-с?

Улыбчивый двадцатичетырехлетний мальчик знал себе цену. Понимал, что в условиях нарождающейся российской демократии не останется без куса хлеба, с верхом намазанного красной икрой. А все потому, что со студенческих лет имел хорошо подвешенный язык и уже на третьем курсе университета подрабатывал политическим обозревателем на местном телеканале. После четвертого – держа нюх по ветру, примазался консультантом в СПС, а, заполучив долгожданный диплом, и подавно смылся на стажировку в Штаты.

Чему уж он там полгода учился, какие науки постигал, сказать трудно, но домой вернулся, словно миллион долларов выиграл – важный, деловой, в дорогих очках, с не сходящей с лица улыбкой. С мэром стал за руку здороваться, с губернатором – чего еще надо? Чуть ли не ногой открывая двери во все властные кабинеты, зарегистрировал свою фирму, и вперед – стал консультировать местных политиков на региональных выборах. И уж если

сходился в цене, выдавал 99-процентную гарантию победы. Это была весьма заманчивая наживка, на которую клевали и старые партийные щуки и мутные ново-русские караси. Попался на этот крючок и далекий от предвыборных шоу Васильев.

- Давай, Виктор Маркович, с хорошей...

- Понял. Вчера вечером ваш «двойник» вследствие широкомасштабного финансового наступления все же снял свою кандидатуру!

- Отлично!

- Стараемся, Борис Иванович, ночей не спим - стараемся...

Свое «старание» по устранению из избирательного бюллетеня полного тезки Васильева – некоего ветерана войны Бориса Ивановича Васильева, своим ли уж маразматическим умом или с подсказки конкурентов вознамерившегося биться за депутатский мандат в десятом избирательном округе, Завадский оценил в три тысячи баксов. Сколько из них перепало самому старику – остается тайной за семью печатями. Но кое-что, пусть и не в долларах с портретами американских президентов, а в наших, российских купюрах с памятником Ярославу Мудрому, он за свое удачное совпадение ФИО все же срубил. Повезло, выходит, ветерану. И Виктору Марковичу повезло. Неизвестно даже кому больше. Ведь мог бы старый пень упереться, и в свои семьдесят семь лет как легендарный Николай Гастелло пойти ради депутатского портфеля на таран.

Вот так, запросто, без шума и пыли из пяти официально зарегистрированных кандидатов на одного Васильева стало меньше. А останься дедушка в списке, только одному Богу ведомо, сколько бы голосов он оттянул у Бориса Ивановича.

- Какова же вторая новость? – торопил Васильев.

- Вторая? – Виктор Маркович красивым жестом поправил очки. – Наш главный конкурент подполковник Гребенюк подал в избирательную комиссию жалобу, где пишет, что на последней встрече с избирателями вы, раздавая старикам по два килограмма муки, вели их открытым подкуп!

- А ему кто мешал? – побагровел Борис Иванович. – Разнес бы старикам по четыре килограмма, а к ним по бутылке подсолнечного масла! Все лучше, чем кормить пенсионеров баснями о своих армейских подвигах! Родину он, видите ли, защищал, обороноспособность страны укреплял, протирая штаны в районном военкомате. Все почтовые ящики завалил листовками. А поинтересовался бы: кто их читает! Кому они нужны?

Не нравилось Васильеву, что подполковник Гребенюк шагает с ним в одну ногу. Как узнал – словно крылья подрезали. Слишком серьезный соперник: если надо - в угольное ушко пролезет. Хитрый. Коварный. Злопамятливый. Коллеги по думе его рецидивистом кличут: как-никак два созыва в областной думе отсидел, а в перерыве между ними книжку «Как стать народным избранником» успел сочинить. И вот на новый срок намылился. Плохо ли ему, если депутатов-военнослужащих сразу на штатную работу берут и нехилое

жалованье кладут? Шансы снова сграбастать депутатский портфель имеет приличные, да и люди за ним стоят серьезные, с деньгами.

Вот только большинству избирателей Гребенюк надоел до блевоты. Привык в военкомате всех строить, болтун. Слов, словно воды в Ниагарском водопаде, а конкретных дел с овчаркой не найти. Да и в моральном плане подполковник далеко не ангел: герой всех скандальных публикаций. То он всю ночь оттягивается в ночном клубе с девицами легкого поведения, а утром в одних носках несется в милицию с заявлением, что его, видите ли, обокрали. Раздели до трусов – забрали деньги, костюм и нательный крестик. А депутатское удостоверение, словно в насмешку, не тронули. Еще в газетах писали, что ДЕЗ с ним судился из-за долгов по квартплате, а соседи просили принять к нему меры воздействия за то, что он их громкой музыкой по ночам глушит. Между прочим, как подчеркивали заслуженные учителя, самая любимая песня у народного избранника - «Вова Чума»! Весь этот отрицательный баланс главного соперника плюс девяносто девять процентов гарантии Завадского - и придавали Васильеву уверенности в предстоящей победе.

- По Гребенюку есть что-нибудь свеженькое?

- Мой человек в пресс-службе мэрии на днях рассказывал, как подполковник двух проституток утром из окна думы выставлял. Те, бедняжки, выскочили в одних туфлях, орут, матерятся, а он им нижнее белье из кабинета через форточку выкидывает...

- Кино...

- Может скинуть новость газетчикам?

- Зачем? Лишние расходы. Пресса об этом и так напишет, а Гребенюку – дополнительная реклама: любит у нас народ всяких марычевых и шандыбинных.

- Что предпримем в отношении оставшихся кандидатов? – недовольный ответом Завадский погрузился. Белозубая улыбка исчезла. Губы скривились, как от кислого яблока. И все же он держался молодцом: американская школа, золотой кадровый резерв президента России. – По Галкину предлагают любопытный материал... О его, так сказать, моральном облике...

- А что у Галкина с моральным обликом? – не понял Васильев.

- Говорят, была судимость в несовершеннолетнем возрасте.

- Подумаешь – судимость... Врать не буду, но по слухам, из двухсот пятидесяти трех зарегистрированных кандидатов у тридцати шести в прошлом были проблемы с законом, а на пятерых – до сих пор ведутся уголовные дела.

- Но у Сергея Петровича уж очень статья интересная...

- Я слышал: изнасилование...

- Попытка... 117 через 15-ю!

- Мальчишество... Галкин мне не конкурент...

Это точно. Сергей Петрович пошел на выборы не по собственной инициативе. Если бы не настойчивые уговоры Васильева в гробу бы он их видел! Какому, скажите, нормальному человеку захочется, чтобы пресса и телевидение каждый день копались в его нижнее белье? Да еще всякие

провокаторы звонили по ночам домой, и рассказывали родственникам разные небылицы? Чтобы так рисковать, надо быть не только кристально чистым, а вообще ангелом во плоти. Галкин с его пусть и погашенной судимостью по 117-й все это прекрасно понимал.

Но во время выдвижения кандидатов, а шло оно поначалу через пень колоду, чтобы не остаться с носом, Борису Ивановичу - нож к горлу требовалась альтернатива, и он пошел к своему школьному приятелю кланяться в ножки, уговаривать, умолять. И с третьей попытки уговорил, уломал-таки, бросив в ресторане «Якорь» на бочку штуку баксов. Да еще две пообещал после своей победы. Корочки помощника депутата, чтобы Сергей Петрович, как уважаемый в городе человек четыре года бесплатно катался на общественном транспорте, предлагались исходя из итогов голосования.

Зато теперь, если даже все потенциальные соперники Васильева разом снимут свои кандидатуры – Галкин останется при любом раскладе – и выборы состоятся. Завадский, конечно, не в курсе, но им с Сергеем Петровичем и подписи по домам собирали одни и те же люди – работники «Победы рабочих», и сдавали они их в один день. Правда, у Васильева избирательная комиссия почему-то девять подписей забраковала, а у Галкина – только две.

- Понял, – словно гроссмейстер, мгновенно просчитывающий шахматную партию на много ходов вперед, согласился Завадский. – Остается одна Поленова.

Завуча средней школы № 33 Нину Петровну Поленову, сухощавую, с вечно перекошенным от работы лицом женщину в годах, Васильев всерьез не воспринимал. Не любит наш народ врачей и учителей, объясняя их страстный порыв встать на защиту народных интересов вполне понятным желанием подтянуть штаны собственного благосостояния.

- Тогда, может, концерт какой-нибудь звездочки для молодежи забабахать? – предпринимал последнюю попытку вытащить из Васильева дополнительные деньги Завадский. – У меня есть выходы на Катю Лель.

- Это что «муси-пуси» поет? – улыбнулся Васильев.

- И «джагу-джагу», - в предвкушении засветившихся на горизонте финансовых потоков, заерзал в кресле Завадский. – Могу прямо сейчас созвониться...

- Надо подумать, – заметил Борис Иванович, а сам решил, что никакой концерт ему погоды на выборах не сделает. Молодежь – самая несознательная часть электората. На концерт, конечно, придут, повеселятся, попьют пива, а голосовать – на аркане не затащишь. Виктор Маркович и сам об этом прекрасно знает, но ради лишней возможности вывернуть чужой кошелек строит из себя дурачка. Концерт – сто процентное выбрасывание денег на ветер. Лучше старикам еще муки подкинуть.

- Насчет «Муси Пуси» можно, конечно, подумать, - продолжал Васильев. - Только сначала узнай, во что это удовольствие выльется.

- Узнаю, Борис Иванович, сегодня же и свяжусь, есть у меня в столице один хороший человек – вместе в Штатах стажировались, - давил своими связями и знакомствами Завадский. – В прессу о вас что-нибудь хорошее еще будем

давать? На телевидение? Может, рекламный ролик сделаем? Ребята знакомые – не разорят.

- Они-то, может, и не разорят, да уж слишком дорога на телевидении минута эфира! У меня на заводе высокопрофессиональные рабочие столько в месяц не зарабатывают!

- Не понимаю я вас, Борис Иванович, второй месяц вместе, а все равно не пойму. Крепкий хозяйственник, видный руководитель-реформатор, а рассуждаете, извините, как какой-нибудь красный директор. О рабочих все время печетесь, которым на вас по большому счету плевать с высокой колокольни, на мелочах экономите, на копейках выгадываете – тогда зачем, спрашивается, было на выборы идти? Сидели бы на своем заводе – и забот не знали. Не мне вам объяснять, сами понимаете, что газету в лучшем случае человек сто прочитает, а по телевизору вас вся область увидит! И мэр, и губернатор, и полномочный представитель президента, и весь депутатский корпус...

Васильев промолчал.

Для журналистов и консультантов выборы – Клондайк. Никто не спорит.

Хороший материал в «Областных новостях» подготовили, душевный. Постаралась девочка-корреспондент – три дня за Васильевым, как на веревочке ходила, с людьми встречалась, с ветеранами завода. Не зря свой хлеб ест. И фотографии выбрала выигрышные. На одной Васильев с женой во Дворце бракосочетания: оба молодые, худенькие - смотреть приятно. Он только что из армии демобилизовался, Галя институт окончила. На другой фотографии – Борис Иванович (тогда еще главный инженер) улыбающийся, веселый, с красным бантом на груди возглавляет заводскую колонну на первомайской демонстрации. На третьей он (уже заводской парторг) принимает эстафету трудовых дел от прославленной многостаночницы, Героя Социалистического труда, ныне покойной Веры Федоровны Агафоновой. Все по делу. Ведь у людей старшего поколения, которое в основном и топчет избирательные участки, обостренное чувство тоски по советским временам.

- Одним словом, Борис Иванович, как я понимаю, на данном этапе предвыборной борьбы вы в моих услугах не нуждаетесь, - как пузырь надулся Завадский. – Рассчитываете на собственные ресурсы. Расклейку листовок о поборах завуча Поленовой с родителей выпускников школы считаете клеветой. За статейку о новых похождениях господина Гребенюка с девочками платить не собираетесь. Да и рекламный ролик на телевидении вам кажется слишком дорогим! Хозяин – барин. Но боюсь, что при вашей нынешней пассивности потом не пришлось бы локти кусать. Разрешите откланяться.

«Слава Богу! – вздохнул после ухода Завадского Борис Иванович - До чего же тяжелый человек! Прямо энергетический вампир какой-то, а не консультант по региональным выборам! Что же дальше-то с ним будет, лет через десять - двадцать? Или в губернаторы выбьется, или под пулю попадет».

Больше всего Васильева беспокоило, что Завадский мог работать на два фронта. И вашим, и нашим. То, что он оказывал информационно-аналитические услуги кандидатам в депутаты по другим округам, Виктор

Маркович и сам не скрывал. У него была просто маниакальная страсть к деньгам. Особенно к зелени, которую он пересчитывал по несколько раз, словно боялся, что его кинут. Но совсем другое дело, если он стал оказывать услуги потенциальным конкурентам Васильева. С Поленовой, конечно, взять нечего – у школьного завуча в кармане только вошь на аркане, да блоха на цепи. А вот на подполковнике Гребенюке, который меняет иномарки, как перчатки, вполне можно пожить.

Но наивно было бы, если бы Васильев открыл Виктору Марковичу все карты. Ведь вполне может случиться, что сегодня Завадский работает на него, а завтра, если посулят куш больше, как флюгер перевернется в стан противника. Именно из этих соображений Борис Иванович, хоть и остро нуждался в поддержке, все равно не стал посвящать своего консультанта в семейный конфликт. Зачем путать личное с общественным?

О том, что кандидат в депутаты полгода не живет с законной супругой, приобрел в центре города однокомнатную квартиру и ведет там холостяцкий образ жизни, широким массам знать необязательно. Супруга, которой сразу же после выборов он пообещал не только оформить развод, но и оставить старую квартиру со всей обстановкой, заверила, что будет держать язык за зубами. Это лет пятнадцать назад, как свой последний аргумент, Галя пригрозила бы ему письмом в райком партии. И чтобы не расставаться с партбилетом, а вместе с ним и с должностью заводского парторга, он бы нажал на тормоза и уступил. Нынче совсем другие времена!

И все же, чтобы не давать соперникам по выборам лишних козырей, Васильев заранее провел разъяснительную работу не только с супругой, а и со всем своим ближайшим окружением. Водитель – парень хоть и молодой, но успел пройти Чечню – свое дело знает, да и понимает все с полуслова. У начальника охраны – в прошлом старшего оперуполномоченного уголовного розыска – один единственный недостаток – пьет, так ведь в нерабочее время, а так отличный мужик. С секретарем-референтом, что год назад заняла место в приемной после годичных курсов, считай, после школы, у них получился такой бурный роман, что Васильев едва таскал ноги... На время выборов он оформил всю троицу доверенными лицами с причитающейся в конвертах зарплатой. Народ согласился. А секретарша, добрая душа, даже ездила с ним в избирательную комиссию сдавать подписные листы.

Борис Иванович тогда только что вернулся со Средиземноморского побережья, отдохнувший, загорелый. Председатель комиссии, помнится, еще пошутил: «Где это вы, Борис Иванович, так загорели, что даже нос облез? Не в Турции ли?» - «Да какая к черту Турция! – усмехнулся Васильев. – На дачном участке картошку полон - вот и обгорел весь!»

2

И смех, и грех, но именно в Турции Васильев тогда оторвался на полной программе, как будто первый раз за границу выбрался – дай-то Бог каждому! Надежные, свои в доску ребята из турфирмы, для которых он был больше чем постоянный клиент, устроили ему все за два часа.

В десять утра он звякнул им на сотовый, что хотел бы погреть бока на солнышке, а в одиннадцать они уже обложили его глянцевыми каталогами и ублажали слух знакомыми названиями популярных курортов: Бодрум, Мармарис, Кемер, Белек... Оставалось только ткнуть пальцем в понравившуюся картинку – и компьютер тут же выдавал наличие в отеле свободных номеров, дату вылета и номер авиарейса.

Но лететь еще раз в пусть и облюбованные прежде места Борису Ивановичу не хотелось – по натуре путешественник, он ценил новизну. Вечером быстренько покидал вещи и документы в чемодан, а утром уже стоял с ним у стойки регистрации пассажиров в аэропорту Шереметьево-2.

Ребята не подвели: в Турции Васильева ждал шикарный одноместный номер в 5-звездочном отеле с видом на море и питанием по системе «все включено». Курортное местечко, куда его занесло, выделялось мелкопесчаным пляжем и чистым, удивительно голубым, как на обертках шоколадок «Баунти», морем, отчего весь отель по самую крышу был забит отдыхающими из России.

От длинноногих, бронзовых от загара молоденьких мамочек, словно жарящихся под солнцем золотых рыбок, рябило в глазах. Особенно, когда около десяти утра прямо на пляже все они – одна другой симпатичнее – выстраивались вместе со своими детками на традиционный разминочный танец под руководством темноволосого массовика-затейника – аниматора Таркана. Безжалостно палящее солнце ползло в зенит – и танец повторялся, но уже в прохладном бассейне. А вечером о нем вспоминали перед началом дискотеки. Знакомая, по несколько раз на день везде и всюду повторяющаяся мелодия доставала до печенки. А сам размеренный, сытый от однообразия быт отеля во многом напоминал атмосферу советских санаториев.

Может быть, именно поэтому мужская половина отдыхающих чаще всего отиралась в спрятавшихся под навесами барах, где с 11 до 23 часов можно было без всякого ограничения накачиваться не только пивом, а и кое-чем покрепче – виски, коньяк и джин местного производства разливались бесплатно. Импортные напитки, увы, шли за отдельную плату.

Но уже на третий день Васильеву все надоело. И холодный джин с тоником, и безбрежное море, и ласковое солнце. Ничто так не утомляет русского человека, как однообразие. Это педантичные немцы и высокомерные америкосы радуются, если у них все стабильно: особенно банковские проценты и цены на бензин. Наш народ, выросший в стране бесконечных экспериментов, устроен совсем по-другому: и очень хорошо – тоже плохо. Поэтому, чтобы окончательно не свихнуться от жары и безделья, Васильев переключился на активный отдых. Ткнул в карту пальцем – и отправился на экскурсию в Памуккале – живописнейшее местечко, где горячие источники, содержащие окись кальция, привели к образованию известковых отложений. Их окаменевшие белоснежные каскады издали очень похожи на хлопковые плантации, отсюда и название – Памуккале, что в переводе с турецкого – «хлопковый замок». Вот уж воистину чудо природы! Именно там, в одном из естественных бассейнов с минеральной водой, Васильев с удовольствием

провел целый день, весь обгорел, сделавшись похожим на вареного рака, и познакомился с двумя студентами-соотечественниками Таней и Даней.

Симпатичную длинноногую девочку в потертых голубых шортах и не закрывающем пупка оранжевом топике Борис Иванович отметил сразу, еще на посадке в автобус. Она выглядела настолько эротично, что мужчины в годах просто пожирали ее глазами. Но девочка была не одна, а в компании с женоподобным молодым человеком по имени Даниил.

Сказать, что Даня, как он представился, был просто малосимпатичным юношей, все равно, что не сказать ничего, в компании своей спутницы он выглядел гадким утенком. Васильев даже грешным делом подумал, что как бы ни менялся мир, а тема Красавицы и Чудовища останется вечной. Но, присмотревшись к взаимоотношениям студентов, понял, что ничего романтического, свойственного влюбленным, между ними нет. Своим поведением они скорее напоминали промышляющих в коридорах провинциальных гостиниц подростков, когда молодой человек мнит из себя бывалого сутенера, а его подружке достается роль девочки по вызову. Вырвавшаяся за границу молодежь, промотав в первые дни все свои накопления, явно нуждалась в спонсоре. Ребята не могли себе позволить ни предлагаемых турками на каждом шагу фруктов, ни маленькой чашечки чая во время стоянки автобуса на заправке, даже сходить в платный туалет было для них проблемой.

Въехав в ситуацию, Борис Иванович, положивший на девушку глаз, понял, что теперь студенты полностью зависят от него, и как бы растягивая удовольствие от предстоящего обладания девичьим телом, пригласил молодежь совершить с ним спуск по горной реке на надувных плотках-лодках. Естественно, за его счет. Даня сразу радостно захлюпал своими белесыми ресницами (интересно, как бы он повел себя, если бы Борис Иванович, не приведи Господи, имел не традиционную сексуальную ориентацию?) А вот Таня, прежде чем сделать выбор в пользу рафтинга, как показалось Васильеву, еще раз оценила его, но уже, не как постороннего мужчину, а как потенциального партнера.

На следующий же день Борис Иванович, пользуясь тем, что студент с видеокамерой устроился рядом с водителем автобуса, на правах спонсора сел рядом с Таней, и со стороны они напоминали солидного папика с пивным животиком и дочку-студентку. Из-за чрезмерного преклонения перед представительницами противоположного пола еще в институте приятели дали Васильеву прозвище Галантный. И всю свою жизнь он покорял сердца женщин, которые, как известно, любят ушами, по большей части словами да остротами, которые сыпались из него, как из фонтана.

Вот и к Тане он начал подбираться с набивших оскомину шуток-прибауток. Сначала, как бы между прочим, поинтересовался у турка-инструктора были ли у них здесь несчастные случаи? Хорошо понимающий по-русски парень, естественно, ответил, что нет. «Будут», - подражая герою известной кинокомедии, усмехнулся Васильев, чем вызвал у окружающих соотечественников улыбку. Потом припоминал разные турецкие слова,

звучащие вроде бы по-русски, но имеющие совсем иной смысл: стакан – скандал, баян – женщина, остановка – дурак.

В отличие от Даниила, забравшегося с женщинами пожилого возраста в большой надувной плот, Борис Иванович, имевший в молодости кое-какой опыт сплава на байдарках, взял с Таней двухместную лодку. Но на первом же крутом повороте горной реки лодка, словно щепка, перевернулась, и кавалеру стоило не малых усилий вытащить девушку из ледяной воды, поймать унесенные течением весла и, как ни в чем небывало продолжить путешествие. Невольно соприкасаясь с податливым телом юной спутницы, ловелас-спаситель сразу ощутил в себе мужчину. И это ощущение, словно в далекой молодости, не покидало его до конца водной трассы, где их ждал фантастический обед, приготовленный по рецептам старинной Османской кухни.

После обеда им вручили свидетельства о покорении горной реки и вывесили сделанные во время рафтинга фотографии. Васильев, как и подобает спонсору, купил все до одной, где хоть мельком была запечатлена его юная пассия.

Вечером, оставив Данилу, как третьего лишнего в отеле, они отправились в шопинг по дышащему зноем городку. С ближайшего минарета, усиленная громкоговорителем, плыла в небо вечерняя молитва. Турецкие мальчишки-зазывалы наперебой тянули их в ближайшие лавки и магазинчики купить кожу и золото.

«Добрый вечер! – нутром чувствуя в держащейся за руку парочке русских потенциальных покупателей, вступали в разговор они. – Недорогие кожаные куртки, дубленки, есть любые модели. Тем более что сегодня у нас большие скидки! Посмотрите!» Таня смеялась, а Васильев со словами «Показывай, брат, что тут у вас» уверенно заходил в кондиционированный магазинчик, чтобы укрыться от невыносимой жары.

Возле них тот час же начиналась свистопляска. Откуда-то из глубины лавки появлялся ее хозяин - какой-то там тридцатилетний Хасан. Следом за ним девушка-продавец выносила на подносе маленькие стопки-стаканчики с чаем. И только потом им на плечи обрушивалась лавина кожаных изделий, зависевших, никем не примеренных, только что сшитых, с непереносимым запахом кожи. Но вся беда, что ничего толкового, эксклюзивного, оригинального не попадалось.

Они, смеясь, выходили из одного магазинчика и на них тут же, словно саранча, набрасывались зазывалы из других. Так ничего путного не купив, за исключением каких-то цепочек с оберегами в форме глазков и мелких сувенирчиков, приглянувшихся Тане, наши герои неспешно прошли весь утопающий в огнях местный Бродвей и вернулись в гостиницу. Тащить девушку сразу к себе в номер Васильев посчитал делом пошлым, отдавая дань курортной романтике, они еще часа два следили босыми ногами на обласканном соленой водой песке.

Шум прибоя, дующий с моря ветерок и идущая рядом девочка в шортиках, которая в любой момент станет твоей, казались Васильеву идиллией. Не было

у него такого в жизни. И вряд ли когда будет. Выронив туфли, Борис Иванович остановил свою спутницу, нежно повернул и прижал к себе. Его губы уткнулись в ее губы, а руки нетерпеливо полезли туда, где их совсем не ждали, а может быть, и ждали, но попозднее.

Просунув ладонь под резинку трусиков, Васильев, путаясь в волосах, наткнулся на прокладку «Олби» с крылышками - ту самую, что с утра до ночи рекламируют по телевизору. Выходит, что для полноты счастья ему не хватало только «критических дней». Но эта мелкая неприятность уже вряд ли могла его остановить. Гинеколог из Бориса Ивановича оказался никакой: место, к которому он так стремился, было уже занято... тампоном. Он нажал на него – и девушка вздрогнула... Как там, в детстве играли: сунь пальчик, а там зайчик. Васильев даже поймал себя на мысли: а что, если девушка девственница?

Недавно натолкнувшись в желтой газетке на весьма лаконичное объявление «Девушка девятнадцати лет готова продать свою девственность не меньше чем за 1000 долларов», он долго не мог выбросить его из головы. Ведь что для него каких-то тридцать тысяч рублей, если за благополучный исход нынешних выборов он отвалил в десять раз больше? А можно ли сравнить обладание девичьей невинностью с какими-то депутатскими корочками, пусть и кожаными? Да никогда в жизни!

И вот теперь к своему стыду он вспомнил о том навязчивом желании. Хотя и вспомнил всего на какую-то долю секунды. Ему было неважно девственница Таня или нет – он предложил ей свои условия игры – и она согласилась. Он терзал хрупкую Танину фигурку, а позади нее в ночи светились тысячи огоньков курортного города Канаклы.

На другой день они, словно птицы, парили над морем на парашюте. И пили, пили турецкие виски. По его просьбе Татьяна постоянно бегала с пляжа в бар, чтобы принести ему сразу два пластмассовых стаканчика, и наивный бармен, видя ее усердие, даже предупредил «Мисс, у вас могут быть проблемы со здоровьем». Дурак.

3

- Борис Иванович, включите шестой канал! – раздался из мобильного голос Завадского, так четко, словно он находился за его спиной.

- Привет, Виктор Маркович! – ответил Васильев. – Какие новости?

- Телевизор включите! Шестой канал! – не унимался большой знаток предвыборных технологий. – Там вас показывают!

Борис Иванович инстинктивно нажал пульт дистанционного управления – и увидел в телевизоре самого себя...

Лоб его был покрыт капельками пота, густые, словно у бывшего генсека брови взъерошены, кожа на носу облупилась.

«В эфире телепередача «Слабо!» – звучал голос за кадром. – У нас в гостях один из отдыхающих нашего отеля. Его зовут Борис Иванович. Сейчас он продемонстрирует нам свой смертельный номер борьбы с алкоголизмом».

Камера крупным планом выхватила пять пластмассовых стаканчиков, в каждом из которых было граммов по пятьдесят алкоголя, как говорят немцы, на один дринк.

«В первом стаканчике у нас виски, - пояснил уже знакомый, Данькин, голос. – Во втором – водка! В третьем – коньяк, в четвертом – джин, в пятом... Что бы вы думали, у нас в пятом? В пятом стаканчике у нас опять же виски – ну не пива же туда наливать? Итак, Борис Иванович, готовность номер один. Начинаем отсчет: десять, девять, восемь, семь...»

После слова «поехали» и так изрядно поддатый Васильев демонстративно убирает руки за спину, берет зубами первую посудину, загнув голову, спокойно выпивает и, как нечто ненужное выбрасывает в сторону. Кто-то рядом громко хлопает в ладони. Воодушевленный аплодисментами, Васильев довольно улыбается. Поднимает зубами стаканчик с водкой – выпивает. По щекам у него течет пот. Чья-то, судя по браслету, женская рука промокает его загорелое лицо бумажной салфеткой. Пустой стакан улетает вслед за первым. Борис Иванович, словно разъяренный бык, ненавистно смотрит в камеру. Руки у него по-прежнему сцеплены за спиной. Коньяк, а точнее говоря, турецкий бренди, он выпивает за один глоток, не поморщившись. Спасибо советской партийной школе! Но джин, эта примитивная самогонка из можжевелевой ягоды, идет неважно.

Оператор-любитель снова берет крупным планом его глаза: от напряжения сетчатка налилась кровью. Дыхание тяжелое. Но Васильев, словно идущий на мировой рекорд спортсмен, не давая себе слабину, берется зубами за последний стаканчик, победно его выпивает, а затем резко разворачивается и в майке и шортах бросается в бассейн...

- Вот так, будучи избранным областным депутатом, Борис Иванович Васильев станет защищать наши с вами интересы, - с усмешкой комментирует показанные кадры приглашенный в студию шестого канала подполковник Гребенюк. На нем парадный китель с золотыми погонами и дюжиной юбилейных медалей, что раздавала еще Сажи Умалатова. – Но это далеко не все причуды генерального директора завода «Победа рабочих». Давайте посмотрим еще один любопытный сюжетец с участием нашего героя.

У Бориса Ивановича кольнуло в груди, резко, неожиданно. Лоб покрылся холодным потом. Стало не хватать кислорода. «Вот так и случаются инфаркты миокарда, - подумал он, сжав рукой сотовый телефон. – Может, валидол сунуть под язык? Никогда ничего подобного еще не случилось. Заводской врач, которому нет резона врать, во время недавнего осмотра уверял, что у него просто отменное здоровье. Хоть в отряд космонавтов записывайся. И вот, пожалуйста. Оказывается, шалит сердечко-то, шалит».

Следующий сюжет был покруче предыдущего: вместе с двумя турецкими танцовщицами, стройными, изящными девочками, Борис Иванович отплясывал на дискотеке танец живота. И ладно бы просто отплясывал, так нет, перед тем, как выйти на сцену, девчонки стащили с него рубашку и, хохмы ради, нацепили лифчик пятого размера, накрасили помадой губы, а на голову надели женский парик... Как там у Высоцкого: «Сегодня в нашей комплексной

бригаде прошел слушок о бале-маскараде. Раздали маски кроликов, слонов и алкоголиков, назначили все это в зоосаде...»

Это как раз была та последняя турецкая ночь, когда, чтобы развеселить отчего-то разом взгрустнувшую Татьяну, Васильев был готов на любые жертвоприношения. Носил девушку по пустынному ночному пляжу на руках, пил из горлышка водку, дергался под музыку в танце живота, а в довершении всего, уже за полночь, сунув аниматору двести баксов, устроил на берегу красочный фейерверк. А шустрый Данька, этот падкий на халяву мальчиш-плохиш, словно дорвавшийся до нижнего белья параци все заботливо снимал на видеокамеру – и как только у него аккумуляторы не сели?

- По этическим соображениям, полагая, что возле телеэкранов могут оказаться дети, мы прерываем показ присланной в редакцию видеозаписи, - с ехидцей заметил ведущий программы.

- Жаль, что на самом интересном месте, - хмыкнул Гребенюк. – Но и по тому, что мы сегодня увидели, можно сделать вывод, что во власть нынче рвутся люди, лишённые каких-либо моральных принципов и гражданской ответственности. Мне, человеку военному, привыкшему к дисциплине и порядку, трудно понять большие причуды новых русских, и уж тем более старых, десятилетиями стоявших у руля директоров наших промышленных гигантов, как господин Васильев. Но я вовсе не призываю избирателей голосовать против директора «Победы рабочих», если им по душе его заграничные чудачества, пусть придут и поддержат своего кумира, - добавил Гребенюк.

Его сменил рекламный ролик общественно-политического движения «Родина».

- Борис Иванович, я записал всю передачу на видеомэгнитофон, - сразу же напомнил о себе Завадский. – При желании можно будет привлечь телевизионщиков к ответственности за вторжение в частную жизнь. Вы ведь не давали своего согласия на показ?

- Меня об этом никто не спрашивал, – горько усмехнулся Васильев. – Что делать-то будем, консультант?

- Главное не паниковать! Во-первых, далеко не все ваши потенциальные избиратели эту программу видели, а во-вторых, с учетом нашего российского менталитета, вы не так уж и плохо в этом ролике смотрелись, прямо Савва Мамонтов наших дней. Честно говоря, я ожидал более пикантных сцен. Что-то вроде амурных походов генпрокурора Скуратова или ведущего «Итогов» Евгения Киселева, – умел Виктор Маркович утешить.

- Да не было у них больше ничего, - оборвал Васильев. – Показали все, что могли.

- А как же юная стрекоза с браслетом на руке, все время вытиравшая вам пот?

- Стрекоза была, но без интимных подробностей. Интересно, как этот ушлый студент узнал, что я в депутаты баллотируюсь?

- Наверное, через Интернет, ввел в качестве ключевого слова вашу фамилию – и получил кучу ссылок на газетные публикации. А дальше – дело техники.

- Интересно, сколько ему за это отвалил Гребенюк?

- Если считать его полным дилетантом, то думаю, от силы тысячу баксов.

- Я бы дал больше, - вспомнив жаркую турецкую ночь, сухо произнес Борис Иванович. Кто бы знал, как хотелось ему сейчас посмотреть всю пленку целиком, где они с Таней все время были вдвоем. – Ладно, Виктор Маркович, приезжай завтра с утра, поговорим на свежую голову, как дальше жить.

Завадский явился ни свет, ни заря – в половине восьмого утра – видно совсем плохо у Виктора Марковича с финансами, не зря говорят, что аппетит приходит во время еды, или решил действовать по поговорке, куй железо, пока горячо.

- Я на заводе рабочим задолженность по зарплате за два месяца погасил, чтобы с хорошим настроением на выборы шли, а теперь, что делать? – наливая коньяк, рассуждал вслух Васильев. – Может снять мне свою кандидатуру, да и бросить все эти выборы на хрен?

- Это проще всего, - Завадский не скрывал своего волнения. Это было явно не в его интересах.

- А что делать будем, Виктор Маркович, после такой пленки?

- Работать, Борис Иванович, работать. Мы и в более трудных ситуациях выходили победителями. Помнится, на прошлых выборах соперником моего клиента был начальник РОВД, полковник милиции. Выслугу он уже заработал и в случае победы на выборах собирался уйти на пенсию. Так вот на встречах с избирателями он моего клиента буквально прессовал, все его листовки срывал, а в день голосования расставил своих коллег в погонах на всех избирательных участках... А выборы все равно проиграл! – разговорился Завадский. - Я – человек серьезный, и, если бы не был профессионалом в предвыборных технологиях, то девяносто девять процентов победы никогда никому не обещал. Но вы и сами, наверное, понимаете, что цена положительного решения нашего вопроса с учетом непредусмотренных ранее обстоятельств, теперь возрастает вдвое. И если в сталинском Советском Союзе все решали кадры, то у нас все решают деньги.

- Я согласен.

Рассчитавшись с Виктором Марковичем, Васильев все равно никак не мог поверить, что за несколько оставшихся до голосования дней можно переломить ситуацию коренным образом. Однако по поступающей от своих доверенных лиц информации с интересом узнал, что в каждом многоквартирном доме по принципу западного сетевого маркетинга из пенсионеров-активистов создаются общественные штабы в его поддержку. И эти старики-пилигримы, как бы проявляя заботу о своих престарелых соседях, разносят по квартирам сетки с продуктовыми наборами и его предвыборные программки. А не ходячие соседи в свою очередь пишут заявления, чтобы в день выборов о них не забыли, пришли с урной для голосования на дом.

А вскоре в почтовых ящиках избиратели обнаружили газетку под названием «Без ханжества», где на первой странице действующий депутат Гребенюк вкупе с другими скандальными политиками выступал с предложением легализации публичных домов! Весь разворот был заполнен непристойными фотографиями и перепечатками статей в защиту нетрадиционного секса и однополых браков. На последней странице - реклама фирм, предлагающих сексуальные услуги!

Но только узнавший о существовании такой газетенки кандидат в депутаты Гребенюк успел накатать жалобу в прокуратуру, как буквально на следующий день обнаружил на бампере своей «Ауди» привязанную гранату РГД! Даже не посмотрев, что это за граната - не зря говорят, что у страха глаза велики - перепуганный подполковник кинулся за помощью в ФСБ. Район оцепила милиция, вызвали саперов, понаехало телевизионщиков, как собак нерезаных. А граната оказалась учебной – и в порыве разочарования, все шишки посыпались на Гребенюка, которого в СМИ окрестили мелким провокатором.

Завуч средней школы Поленовой выпала участь не легче. Родители двух десятиклассников, претендующих на золотые медали, обвинили Нину Петровну во взяточничестве. По данному факту было тут же возбуждено уголовное дело и началось долгое, так ничего толком и не выяснившее, следствие. А сама завуч тем временем слегла на больничную койку с гипертоническим кризом.

Турецкая ночь Васильева как-то отошла на второй план. О телепередаче, если и вспоминали, то уже не с осуждением, а с гордостью за Бориса Ивановича, особенно в среде дворовых алкоголиков. В день голосования они с утра пораньше все, как один, дружно потянулись на избирательные участки, после которых их, как выяснилось, ждала щедрая бесплатная выпивка. Вместе с ними туда же явились десятки общественных наблюдателей-студентов, которые ненавязчиво помогали голосующим определиться с выбором в пользу известного хозяйственника и простого русского мужика Бориса Ивановича Васильева, которому ни при коммунистах, ни при демократах не было и нет никакого жителя.

Как и обещал Завадский, на выборах Васильев набрал пятьдесят два процента голосов, что и обеспечило ему победу. Подполковник Гребенюк набрал тринадцать процентов, завуч средней школы Поленова - десять, Галкин – пять. Оставшиеся двадцать процентов, как и везде по стране, получил кандидат – «против всех».